

ММ

Э. Ф. Сафин

Научная жизнь: конференции, рецензии, отзывы

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ IV ВСЕРОССИЙСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА» ПО ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА «КОНСТИТУЦИЯ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ»

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ».

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru;

СОЛДАТОВА Алена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ».

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье дан обзор материалов IV Всероссийского круглого стола по общетеоретическим проблемам права и государства

Abstract: The article provides the overview of the materials of IV all-Russia Roundtable on overall theoretical law.

Ключевые слова: Конституция, право, правореализация, государственность.

Keywords: Constitution, law, realization of law, statehood.

9 декабря 2016 г. на площадке юридического факультета Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань) состоялась IV Всероссийский «круглый стол» по общетеоретическим проблемам права и государства на тему «Конституция и конституционализм: проблемы законотворчества и правореализации» (модераторы: зав. кафедрой теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», доктор юрид. наук, проф. Р. Ф. Степаненко и доцент кафедры теории и истории государства и права УВО «Университет управления «ТИСБИ», канд. юрид. наук А. В. Солдатова).

В работе «круглого стола» приняли участие российские ученые в сферах теоретического и отраслевого правоведения. В ходе мероприятия была проведена видеоконференция, позволившая участникам круглого стола в режиме онлайн дискутировать по всевозможным актуальным проблемам теории права и государства, конституционного, гражданского, уголовного законодательства, социально-экономическим и другим современным тенденциям эволюции российской государственности.

А. Б. Мезяев, зав. кафедрой конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ», доктор юрид. наук, проф., представил доклад на тему: «Международное право и Конституция Российской Федерации: некоторые концептуальные вопросы». В течение длительного времени после принятия Конституции РФ 1993 г. вопрос о соотношении международного права и самой конституции часто обходился полным молчанием в учебниках конституционного права и почти замалчивался в учебниках и международного права. Считалось, что в первом случае достаточно процитировать ч. 1 ст. 15 Конституции о

том, что «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу...», а во втором случае – говорить о «внутригосударственном праве» в целом, как бы подразумевая, что в него входит и Конституция. Даже те редкие учебники, в которых имелся специальный раздел «Конституция и международное право», вопрос об их соотношении обходили. Интересная ситуация сложилась и с первыми научными комментариями Конституции РФ, когда ч. 4 ст. 15 комментировали специалисты в любых отраслях права, кроме юристов-международников. При этом юристы-международники входили в авторский коллектив, но от комментария «главной» международно-правовой статьи отказывались. Такому подходу, конечно, имелись свои причины. Дело в том, что положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ давали основания для такого толкования, согласно которому международное право оказывалось выше Конституции России.

Действительно, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ имеется следующее положение: Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Если исходить из положений общей теории права о том, что конституция государства представляет собой «закон», то получалось, что сама Конституция РФ устанавливала приоритет международного договора над своими собственными положениями. Обходящие молчанием вопрос о соотношении конституции и договора юристы понимали, что такое положение неверно. Некоторые юристы, правда, пытались выдвигать аргумент о том, что сама Конституция РФ ни разу не называет сама себя «законом» (как, например, это было ранее в СССР). (Конституция СССР называлась также Основным Законом, и данный тер-

мин был отражён в самом названии Конституции.)

Однако данный аргумент не мог отменить положений общей теории и потому не являлся достаточно убедительным. Окончательное разрешение данного вопроса дал Конституционный Суд РФ 14 июля 2015 г. (Постановление от 14 июля 2015 Г. N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции "О защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»).

Однако решение Конституционного Суда принято на основе довольно сложного толкования. В этой связи представляется достаточно обоснованным предложение Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина о внесении изменений в Конституцию РФ с целью чёткого и недвусмысленного установления приоритета внутригосударственного права над международным.

А.В. Погодин, зав. кафедрой теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юрид. наук, доц., выступая на тему «*Конституция в системе факторов эффективной правореализации*», подчеркнул, что правореализация интегрирована - включена во многие социальные ситуации, отношения, виды деятельности и практики. Она есть сложный синтез социального, психологического и юридического (правового) содержания и формы. Гармоничное и сбалансированное взаимодействие этих элементов образует эффективную правореализацию как на микроуровне (социальная ситуация, отношение), так и макроуровне (вид деятельности, конкретная практика, система практик муниципального, регионального, федерального масштаба). В результате возникает высокое социально-правовое и психологическое качество жизни человека. На формирование эффективной правореализации позитивно и негативно влияют различные национальные и международные факторы.

Позитивные факторы: 1) ситуационные факторы-условия, факторы-причины, факторы-катализаторы, факторы-гарантии; 2) в каждой практике, например, практике выборов, следственной практике, должна быть система необ-

ходимых и достаточных позитивных факторов; если их нет или они есть, но негативные факторы преобладают, то в данной практике правореализация не будет выполнять свойственные ей созидательные функции в полном объеме. Как неизбежное следствие, в этом сегменте социума появляется и накапливается отрицательная социальная энергия, блокирующая процесс становления социально-правового государства и гражданского правового общества; 3) глобальные факторы-предпосылки (материальные факторы, факторы правосознания личности, организационно-структурные факторы, факторы социальной стабильности, культурологические факторы, факторы качественной теории правореализации), которые действуют в масштабе всей социальной системы [1, с. 50-53; 2, с. 42-46].

Конституция в единстве с конституционными федеральными законами, правовыми позициями КС РФ органично встроена в систему факторов и способна при определенных условиях воздействовать на эффективную правореализацию на микро- и макроуровне. Однако она не является абсолютной ценностью, ее действие-реализация имеет положительные (что, бесспорно, преобладает), нейтральные и даже негативные духовно-нравственные, социально-правовые и собственно правовые результаты и последствия. Такая неоднозначность и противоречивость связана с наличием в Конституции явных и скрытых пробелов.

Р.А. Ромашов, начальник управления по работе с персоналом ООО «Газпром межрегионгаз», профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, выступил с докладом на тему «*Конституционализация государства: понимание и динамика*», отметив, что традиционно история государства и права, рассматривается в контексте национальной истории, развитие которой воспринимается по аналогии с человеческой жизнью, где один и тот же человек последовательно минует определенные этапы собственной биологической жизни. Если принимать за основу такой подход, то можно согласиться с утверждениями о 1000-летнем «возрасте» Российского государства, изменяющегося по форме и содержанию, однако остающегося неизменным по своей субстанционально-сакральной сущности, сводимой к некоему уникальному «русскому духу» и «русской вере».

В подобном контексте древняя Русь, средневековое русское государство, Российское государство нового и новейшего времени, это различные исторические состояния одного и того же государства. Получается, что «Московское русское царство» является правопреемником Киевской Руси; Российская Империя - правопреемник Московского царства,

пам отца. Другой фактор – не окажутся ли дети, рожденные от такой категории преступников, – изгоями общества. Не исключена и ситуация, что по достижении совершеннолетия такие дети демонстративно откажутся от таких отцов. Кстати, сам Н.В. Королёв является противником предоставления вообще длительных свиданий для продолжения рода педофилам и серийным убийцам [7].

Федеральный законодатель в качестве меры поощрения для осужденных к лишению свободы предусмотрел 4 дополнительных краткосрочных свидания или 4 длительных свидания в течение года (п. «е» ч. 1 ст. 113 УИК РФ и ч.2 ст. 114 УИК РФ), помимо тех свиданий, которые положены осужденным к лишению свободы по закону. В Постановлении КС РФ от 15 ноября 2016 года № 24-П подчеркивается, что законодатель «не оговори при этом ни ограничений, ни исключения их применения в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы». Данная аргументация представляется недостаточно убедительной. С нашей точки зрения никаких дополнительных оговорок не требуется, ибо в ст. 89, 113, 114 УИК РФ речь идёт об осужденных только к лишению свободы. Данного рода оговорки предусмотрены законодателем в ч. 3 и ч. 4 ст. 127 УИК РФ в которых делаются ссылки на ст. 124 УИК РФ, а в ч. 6 ст. 127 УИК РФ на ст. 125 УИК РФ.

Осужденные к пожизненному лишению свободы в России обращаются к зарубежной практике, которая в части предоставления длительных свиданий данному контингенту, более гуманна. Следует заметить, что за рубежом существуют и другие практики в пенитенциарной сфере. Например, пожизненное лишение свободы применяется даже к несовершеннолетним в Великобритании, ЮАР, США, причем в некоторых штатах США без права на условно-досрочное освобождение. В России для осужденных к пожизненному лишению законом предусмотрено условно-досрочное освобождение по истечении 25 лет, что тоже гуманно.

Представляется важным определить меру разумности и справедливости при вынесении таких дискуссионных решений судебными органами, которое ляжет в основу уголовно-исполнительного законодательства и правоприменения. Насколько эта мера будет гуманной – покажет время.

А.Л. Васин, ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского федерального университета, канд. юрид. наук, в своем выступлении «*Равноправие субъектов Российской Федерации: проблемы правореализации*» отметил, что Конституция РФ содержит некоторую непоследовательность в регулировании статуса субъектов Федерации. С одной стороны, закрепляется принцип равноправия всех российских регионов между собой во взаимоотношениях с

федеральными органами государственной власти (ч. 1, 4 ст. 5). С другой - сохраняются элементы иерархичности субъектов Федерации, которые можно рассматривать как некие отголоски Федеративного договора от 31 марта 1992 г., который фактически представлял собой три самостоятельных договора отдельно для республик, отдельно для краёв, областей и городов федерального значения и, наконец, отдельно для автономий. В частности, республики, входящие в состав Российской Федерации, признаются государствами (ч. 2 ст. 5). Остальные субъекты РФ государствами не являются, включая такие территориальные образования, которые подобно республикам основаны на национальном признаке, такие как автономная область и автономные округа. Кроме того, три из четырёх существующих в настоящее время автономных округа входят в состав других субъектов Федерации (областей), то есть являются частью целого. Исключение составляет только Чукотский автономный округ, который ещё до принятия действующей Конституции РФ добился непосредственного вхождения в состав Российской Федерации на основании Закона РФ от 17 июня 1992 г. Возникает вопрос: как может быть часть равноправика и равноправна с целым?

Принцип равноправия субъектов Российской Федерации в числе прочего означает, что ключевым подходом в федеративном устройстве России является стремление к так называемой симметрии регионов. Вместе с тем Конституция РФ содержит механизм учёта региональной специфики, его экономических, этнических, экологических, культурных и иных особенностей. В частности, речь идёт о ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, предусматривающей возможность заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов. Использование данного механизма усиливает различия между регионами и привносит дополнительную асимметричность в конструкцию федеративного устройства России.

Конституция Российской Федерации уже не называет республики суверенными государствами (в отличие от Федеративного договора 1992 г.). Более того, Конституционный Суд РФ своей правовой позицией, выраженной в Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П и Определении от 27 июня 2000 г. № 92-О, по сути, нивелировал выделение республик относительно других субъектов Федерации как по признаку «суверенитета», так и по признаку «государства». Однако особенности конституционного статуса республик в составе РФ отнюдь не исчерпываются вопросом признания или непризнания за ними хотя бы остаточной доли суверенитета. Есть и другие признаки. Речь, в частности, идёт о такой особенности республик как возможность принятия ре-

гиональной конституции (или её части) посредством референдума, в то время как иные субъекты РФ имеют прямое конституционное предписание принимать свои уставы законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта Федерации (ч. 2 ст. 66 Конституции РФ).

Проблемность в вопросе равноправия субъектов РФ выявляется в области правоприменения, правореализации. Рассмотрим в этой связи два аспекта реализации конституционных норм. Первый: уже упомянутый механизм ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, то есть практика заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и её субъектов. Здесь отчетливо выделяются два этапа развития этой практики. На первом из них, начало которому было положено Татарстанским договором от 15 февраля 1994 г., происходит довольно значительное количество заключений подобных договоров. Так, к 1998 г. насчитывалось 42 таких договора с участием 46 субъектов Федерации (из 89 существовавших на тот момент регионов). Однако проблемы реализации данных договоров проявились настолько, что в итоге на втором этапе, оказался одним-единственным Татарстанский договор, утверждённый Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 199-ФЗ. Контраст в правореализации конституционных положений очевиден. Сейчас, надо полагать, мы стоим на пороге третьего этапа: удастся ли пролонгировать данный договор, и появятся ли новые подобные договоры у других субъектов РФ.

Проблемы такие наблюдаются и в реализации конституционных положений, которые предоставляют автономиям возможность инициирования федерального закона об автономной области, автономном округе (ч. 3 ст. 66 Конституции РФ), а также предусматривают возможность заключения автономными округами договоров с субъектами, в состав которых они входят (ч. 4 ст. 66 Конституции РФ). К настоящему времени ни один подобный федеральный закон не принят и ни один подобный договор не заключён.

Таким образом, реализация конституционных положений, регулирующих вопросы равноправия субъектов РФ, в настоящее время характеризуется пробельностью, ограниченностью и неиспользованными возможностями, де-юре закреплёнными в Основном Законе.

С.Н. Дружков, директор Центра девиантологии УВО «Университет управления «ТИСБИ», канд. юрид. наук, доц., в своем выступлении на тему «Коррупция как угроза национальной безопасности в Российской Федерации» отметил, что в Федеральном законе «О противодействии коррупции» определение коррупции дается законодателем как перечисление противоправных действий. Пункт 1 ст. 1 сформулирован следующим образом:

«Коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица»;

Однако следует отметить, что коррупция не может рассматриваться исключительно как правовое явление и находится в рамках моноотраслевого исследования. Социально – правовая природа коррупции требует совершенно иного подхода для правильного понимания и определения рассматриваемого понятия и подразумевает непосредственное использование философии, этики, политэкономии и в первую очередь социологии.

Формы и виды коррупции крайне разнообразны, но независимо от того является коррупция бытовой, политической, или попадает под иную классификацию, последствия ее в конечном итоге представляют опасность для государства. Не случайно коррупция упоминается в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300.

«Угроза криминализации общественных отношений, складывающихся в процессе реформирования социально-политического устройства и экономической деятельности, приобретает особую остроту. Серьезные просчеты, допущенные на начальном этапе проведения реформ в экономической, военной, правоохранительной и иных областях государственной деятельности, ослабление системы государственного регулирования и контроля, несовершенство правовой базы и отсутствие сильной государственной политики в социальной сфере, снижение духовно-нравственного потенциала общества являются основными факторами, способствующими росту преступности, особенно ее организованных форм, а также коррупции.

Последствия этих просчетов проявляются в ослаблении правового контроля за ситуацией в стране, в сращивании отдельных элементов исполнительной и законодательной власти с криминальными структурами, проникновении их в сферу управления банковским бизнесом, крупными производствами, торговыми организациями и товаропроводящими сетями. В связи с этим борьба с организованной преступностью и коррупцией имеет не только правовой, но и политический характер».